

От евразийства к практической политике: идейное заимствование в стратегии государственного развития России

Цзявэнь Хэ

*Шанхайский университет иностранных языков, Шанхай, Китай,
0234101672@shisu.edu.cn*

Аннотация: В условиях ограниченного встречного взаимодействия с «прозападной» дипломатической практикой России и усиливающегося стратегического давления со стороны Европейского союза и НАТО в постсоветском пространстве Россия пережила значительный сдвиг в идеологической парадигме. Настоящая статья посвящена анализу идейной трансформации, заложенной в современной стратегии государственного развития России, с акцентом на эволюцию евразийства — от теоретического дискурса к практическому инструменту государственной политики в период правления Владимира Путина. На национальном уровне данный идеологический проект опирается на тройную критическую реконструкцию: систематическую критику европейского радикального индивидуализма; переоценку роли традиций государственного управления Монгольской империи в формировании российской государственности; а также генеалогический анализ элементов тюранской цивилизации, выявляющий нормативную функцию «философии подсознания» русского народа в формировании современных социальных норм. На внешнем уровне евразийство инициирует парадигмальный сдвиг в геополитической ориентации России — от морской к континентальной — и выдвигает концепцию построения регионального экономического и безопасного сообщества с Россией в качестве стратегического узла, на основе модернизации евразийских транспортных коридоров. В конечном счёте данная модель направлена на структурный вызов однополярному мировому порядку под эгидой США и способствует формированию многополярной архитектуры глобальной власти. В статье утверждается, что процесс заимствования и творческой адаптации идей представляет собой идеологическую реконфигурацию, с помощью которой Россия ищет альтернативные пути развития в условиях современных вызовов модернизации.

Ключевые слова: Россия, евразийство, тюранские элементы, западноцентризм, континентальность

Для цитирования: Хэ Ц. От евразийства к практической политике: идейное заимствование в стратегии государственного развития России. *Проблемы постсоветского пространства*. 2025;12(3):264–280. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2025-12-3-264-280>

Поступила 12.07.2025

Принята в печать 11.08.2025

Опубликована 30.09.2025

From Eurasianism to Realpolitik: Ideational Borrowing in Russia's State Development Strategy

Jiawen He

Shanghai International Studies University, Shanghai, China,

0234101672@shisu.edu.cn

Abstract: In the face of limited reciprocal engagement with Russia's pro-Western diplomatic efforts and mounting strategic pressure from the European Union and NATO in the post-Soviet space, Russia has experienced a significant shift in its ideological paradigm. This article examines the ideological transformation embedded in Russia's contemporary state development strategy, focusing on the evolution of Eurasianism from a theoretical discourse into a practical framework of state policy under Vladimir Putin's administration. Domestically, this ideological project is grounded in a threefold critical reconstruction: a systematic critique of European radical individualism; a reassessment of the role of Mongol imperial governance traditions in shaping Russian statehood; and a genealogical analysis of Turanian civilizational elements that underscores the normative function of the Russian people's subconscious philosophy in shaping modern social norms. Externally, Eurasianism promotes a paradigmatic shift in Russia's geopolitical orientation — from maritime to continental — and advocates the construction of a regional economic and security community with Russia as a strategic hub, supported by the modernization of Eurasian transport corridors. Ultimately, this model seeks to challenge the US-led unipolar global order and foster the emergence of a multipolar world structure. The article argues that this process of intellectual borrowing and creative adaptation constitutes an ideological reconfiguration through which Russia is pursuing alternative pathways for development in response to contemporary modernization challenges.

Keywords: Russia, Eurasianism, Turanian elements, Western-centrism, continentality

For citation: He J. From Eurasianism to Realpolitik: Ideational Borrowing in Russia's State Development Strategy. *Post-Soviet Issues*. 2025;12(3):264–280. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2025-12-3-264-280>

Received 12.07.2025

Revised 11.08.2025

Published 30.09.2025

ВВЕДЕНИЕ

После распада Советского Союза Россия, став независимым государством, быстро изменила вектор своего развития, перейдя от коммунистической идеологии к западному либерализму и капитализму. Однако резкие трансформации государственной

системы и социально-экономического устройства привели к серьёзной дестабилизации. Проведение политики шоковой терапии способствовало перераспределению национальных ресурсов в пользу бюрократии и олигархических структур,

что обусловило резкое падение уровня жизни населения и рост социального неравенства. В начале XXI века Россия, пройдя через период глубоких потрясений, постепенно стабилизировала внутреннюю ситуацию и продолжала придерживаться курса на сотрудничество с Западом. Приход к власти В. В. Путина сопровождался инициативами по укреплению диалога с Европой, в частности — предложением совместного формирования безопасного и единого «*Большого европейского пространства*». Впоследствии была озвучена концепция создания общеевропейского экономического пространства от Лиссабона до Владивостока. Несмотря на то, что стратегия «*возвращения в Европу*» на определённом этапе стала одним из ключевых внешнеполитических ориентиров России, со стороны большинства европейских государств она не получила равнозначной поддержки, в результате чего многие инициативы и программы двустороннего взаимодействия остались нереализованными [1].

Практическая реализация «*прозападного*» курса России не принесла ожидаемых результатов. Одновременно процессы расширения Европейского союза и НАТО способствовали постепенному вытеснению российского влияния на постсоветском пространстве в экономическом, политическом и военно-стратегическом измерениях. Неудачи в реализации политики «*европейской интеграции*» вынудили российское руководство пересмотреть собственное геополитическое позиционирование. Ещё в 2010 году президент Российской Федерации Д. А. Медведев инициировал программу развития Дальнего Востока и Байкальского региона, что ознаменовало собой новый этап формирования стратегического внимания российской политической элиты к восточным территориям страны [2]. В 2012 году в рамках саммита

форума Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС) президент России В. В. Путин заявил, что развитие широкого сотрудничества с государствами Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) является одним из приоритетных направлений внешней политики страны. Это событие ознаменовало официальное начало реализации российской стратегии в АТР [3]. Кризис вокруг Крыма в 2014 году и последовавшее за ним введение многоуровневых санкций со стороны западных стран способствовали интенсификации процесса «поворота на Восток». При этом данная стратегия представляет собой не только внешнеполитическую переориентацию, но и комплексный, многоплановый процесс трансформации в экономической, политической и идейно-ценностной сферах.

На фоне неудач в реализации курса «евроатлантизма» в России вновь усилились позиции более консервативных идеологических течений — национализма/славянофильства и евразийства. Именно евразийская идея стала одним из важнейших идейных источников переосмысления внешнеполитического курса страны. Существенный вклад в развитие данного направления внёс Александр Дугин, который сформулировал концепцию нового евразийства, обладающую ярко выраженной геополитической составляющей [4][5]. С X века Россия исторически колебалась между Востоком и Западом. Принятие православия стало отправной точкой «вестернизационного» вектора, в то время как монголо-татарское иго придало русскому государству черты восточной модели власти. С XVII века наблюдался параллельный процесс территориальной и идейной экспансии. В геополитическом плане происходило постепенное освоение Восточной Сибири и приграничных регионов, в то время как в идейно-политической сфере Пётр I

инициировал политику «европеизации» страны, а Екатерина II продолжила этот курс в рамках политики «просвещённого абсолютизма».

Начиная с эпохи Петра I, процесс модернизации России проходил по четырём основным направлениям: вестернизм, панславизм, ленинизм и евразийство (включая новое евразийство). Формулирование евразийской концепции стало, по сути, попыткой найти компромиссное решение проблемы противостояния «западного» и «восточного» путей развития. Идеи евразийства во многом опирались на ключевые положения славянофильской мысли — поиск ответов на «загадку русской жизни» в уникальных культурных традициях и географическом пространстве России. При этом евразийцы последовательно отвергали иррациональное отрицание всего западного опыта. Как неоднократно подчёркивал президент В. В. Путин, инициатива «Большого евразийского партнёрства» отражает осознание того, что современная Россия не может полностью отрицать влияние европейских ценностей на свою историческую траекторию, но одновременно сталкивается с объективными ограничениями и необходимостью актуализации собственной стратегической идентичности. В этом контексте классическое евразийство продолжает служить важным духовно-идеологическим ресурсом для переосмысления российской идентичности. В свою очередь, новое евразийство, опираясь на идеи классического направления, предлагает методологические основания для формирования современной геополитической и геоэкономической стратегии России с учётом как внешнеполитических реалий, так и внутренней специфики. Особую роль в эволюции этих

концепций сыграло евразийское учение Л. Н. Гумилёва, ставшее связующим звеном между классическим и новым этапами евразийской мысли. Эволюция евразийства — от классических евразийцев, эмигрировавших из России после Октябрьской революции, через идеи Л. Н. Гумилёва, находившегося в интеллектуальной изоляции в советский период, к представителям нового евразийства, поддерживающим современный политический курс, — свидетельствует о процессе постепенной адаптации евразийской концепции к политической практике России. Согласно позиции Изборского клуба, современное российское руководство, отказавшись от доминировавшей в 1990-е годы первой политической теории (либерально-демократической), не приняло также вторую политическую теорию (марксистско-советскую плановую) или третью политическую теорию (националистическую, ориентированную на традиции эпохи Романовых), а сделало ставку на формирование четвёртой политической теории, основанной на идеях евразийства¹. В этом контексте глубокий анализ государственного взгляда на развитие в рамках евразийской концепции становится важным инструментом для понимания стратегического замысла современной России, что и определяет актуальность данного исследования.

ВНУТРЕННЕЕ ИЗМЕРЕНИЕ: УКРЕПЛЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ЕДИНСТВА И УЧЁТ ДОЛГОСРОЧНОГО ВЛИЯНИЯ АЗИАТСКОГО ФАКТОРА

С точки зрения евразийских теоретиков, справедливость трактуется как приоритет коллективных ценностей над индивидуальными интересами. Важное место в их

¹ Коровин В. Путин и евразийская идеология. 26 марта 2014. <https://izborsk-club.ru/2801> (дата обращения: 14.03.2025).

дискурсе занимает критика западноцентризма и его разрушительного воздействия на творческий потенциал национальных цивилизаций. Туранский элемент в российской культуре рассматривается как основа «подсознательной философии» и консервативного мировоззрения. Единые ценностные ориентиры формируют нематериалистический компонент российской национальной идентичности, что принципиально отличает её от западного рационализма. Евразийцы выступают за построение «идеологического государства», направленного на защиту интересов всего общества, что предполагает преодоление внутренней фрагментированности. Истоки этой фрагментированности евразийцы видят в интеллектуальной ориентации на Запад и недооценке азиатского цивилизационного наследия, что ведёт к разрыву между восточной и западной административными практиками, а также между элитами и широкими слоями населения. В ответ на эти вызовы евразийская концепция акцентирует внимание на формировании государственной коллективной идентичности при снижении акцента на этнической компоненте, а также поддерживает развитие институтов партисипативной демократии и федерализма. При сохранении традиции концентрации власти в руках узкого круга лиц подчёркивается, что использование власти должно быть направлено на служение коллективным интересам.

ДИСКУССИЯ О ЗАПАДНОЦЕНТРИЗМЕ И УЛЬТРАЛИБЕРАЛИЗМЕ

Евразийство изначально подвергало критике представление о культурном превосходстве Европы и её интеллектуальной гегемонии. 3 июня 1921 года Н. С. Трубецкой

и Г. В. Флоровский на религиозно-философском форуме в Софии официально оформили евразийство как новое идейное направление. В 1920 году Н. С. Трубецкой опубликовал работу «Европа и человечество», которая впоследствии стала одним из идейных источников евразийского движения. В этой книге Трубецкой занял позицию равноправного восприятия европейской культуры, выразив общие антизападные настроения, характерные для евразийцев. Особое внимание он уделил экспансионистскому характеру европейской культуры, воплощённому в практике европоцентризма. Под влиянием данной идеологии окрестные культуры зачастую формируют комплекс неполноценности. Трубецкой подчёркивал разрушительное воздействие европейской культуры на неевропейские народы, указывая на лишение коренных культур их творческого потенциала. Как он отмечал: «Универсализм и гуманизм романско-германских народов не имеют под собой оснований; европейская культура не является культурой человечества».²

Российские представители нового евразийства критикуют евроатлантизм и выступают против тотальной вестернизации и безусловного заимствования западной цивилизационной модели. Особенно остро эта критика направлена против ситуаций, когда подобные культурные теории приобретают идеологизированный характер: в этом контексте евразийцы рассматривают их как ложный национализм. В рамках данной позиции евразийцами отвергается как *петровская модель европеизации*, так и *пролетарский интернационализм*, поскольку, по их мнению, и *либерализм*, и *коммунизм* в равной степени лишены *русской*

² Трубецкой Н. С. Европа и человечество. София, 1920. <https://zababurinsv.github.io/Michurin/TNS/tns03.htm> (дата обращения: 21.03.2025).

культурно-цивилизационной специфики [6]. Отсутствие органичного культурного основания препятствует внутреннему принятию внешних заимствований, что ведёт к утрате внутренней мотивации к развитию и снижению адаптивного потенциала к локальным условиям. При этом неосмысленное заимствование внешних моделей зачастую выступает проявлением интеллектуальной инерции и ориентации на краткосрочные результаты.

Согласно позиции неоевразийца Игоря Панарина, западная культура характеризуется как «индивидуалистический гедонизм» и «массовая деморализация». По его мнению, подобная культурная парадигма оказывает исключительно негативное воздействие на российское общество [7]. Права человека в американской внешнеполитической риторике используются преимущественно в качестве идеологического ресурса и риторического инструмента. Будучи единственной сверхдержавой, США прибегают к правозащитной тематике прежде всего в качестве предлога для вмешательства во внутренние дела других государств. Только в этом контексте права человека становятся предметом внимания американской внешней политики [7]. По мнению Л. П. Карсавина, западная философия сосредоточивает внимание на индивидуальном «Я», игнорируя надличностное духовное измерение — народный и государственный дух. Семья, общество и государство в этом контексте рассматриваются лишь как механическая совокупность индивидов. С позиций либеральной демократии евразийские мыслители утверждают, что советская модель государственного устройства имеет определённые преимущества по сравнению с западной

демократической системой. В данной модели акцент сделан не на индивидууме и не на партийной структуре, а на органическом сообществе территориальных образований — советах различных уровней, регионах, областях, городах, а также на отраслевых объединениях и воле многонационального народа [8]. Евразийцы исходят из необходимости интеграции коллективистского и гармонистского начал: справедливое государство должно обеспечивать духовную свободу личности, при этом при сохранении индивидуальности личность должна реализовывать определённую социальную миссию в процессе служения обществу.³ В этом контексте евразийцы не поддерживают концепцию полной уравниности прав коллектива и индивида. В рамках фундаментального противостояния ограничений власти и требований справедливости наблюдается противопоставление индивидуализма, характерного для Запада, и коллективизма, присущего Востоку. По мнению Н. К. Михайловского, общественный прогресс предполагает более тесную сплочённость социальных групп и более дифференцированное распределение индивидуальных функций. Гетерогенность социальных групп должна сокращаться, тогда как индивидуальное разнообразие их членов — возрастать, что соответствует критериям моральности, справедливости, рациональности и общественной пользы [9]. Очевидно, что в российском общественном дискурсе подчёркивается приоритет ценностей, нравственных ориентиров и высших духовных устремлений как основы общественного прогресса. При этом свобода физического труда личности рассматривается как конкретное проявление этих духовных ориентиров

³ Цветкова С. Г. Ценностная основа идеологии евразийства. 27 ноября 2013. <https://www.gumilev-center.ru/cennostnaya-osnova-ideologii-evrazijstva/> (дата обращения: 28.03.2025).

на индивидуальном уровне. В то же время в либеральной парадигме Запада права индивида трактуются как приоритетные по отношению к общественному благу.

ОСМЫСЛЕНИЕ ТУРАНСКОГО ЭЛЕМЕНТА В РОССИЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Евразийцы впервые в столь явной форме акцентировали внимание на азиатской составляющей российской культуры, подчёркивая влияние азиатских территорий России к востоку от Урала (за Уральским хребтом и Уральской рекой) на формирование российской культурной идентичности. Евразийские мыслители считают, что евразийское политико-культурное единство восходит не к Киевской Руси, а к империи Чингисхана. Становление Московского княжества происходило во многом благодаря «татарскому игу»: московские цари не столько «возвращали русские земли», сколько осуществляли консолидацию наследия монгольских улусов. Присоединение Казани, Астрахани, Сибири стало важнейшим этапом формирования сильного российского государства [10]. «Татаро-монгольское иго» продолжалось более двух столетий. В тот период территория русских княжеств представляла собой раздробленное и вассально зависимое пространство, лишённое единой национальной и государственной идентичности. По прошествии двух веков Россия, освободившись от ига, трансформировалась в централизованное православное государство с высоким уровнем внутренней духовной дисциплины, где внутренняя духовная дисциплина и практика «повседневного покаяния» стали консолидирующим фактором, что обеспечило формирование экспансионистского потенциала государства. Монгольское наследие включало в себя мощные элементы организационной дисциплины и государственного

администрирования, включая профессионализированное и дисциплинированное войско, эффективные административно-финансовые механизмы и культ харизматического лидера по образцу Чингисхана. Победа лидера консолидирует общество вокруг власти. Единая власть воспринимается как архетипический элемент степной цивилизации, причём легитимность этой власти не подлежит сомнению. Несмотря на заимствование институтов разделения властей, реальная политическая практика сохраняет черты персоналистского лидерства. Иерархически организованная дисциплина подразумевает, что прогресс государства в большей степени зависит от гибкости решений правящей элиты, нежели от революционной активности масс. В то же время политические кризисы зачастую коренятся в ошибках кадровой политики на высшем уровне. Реформы, инициируемые «сверху», приносили как блестящие достижения (реформы Петра I, отмена крепостного права Александром II, новая экономическая политика Ленина), так и трагические последствия (сталинские репрессии, «шоковая терапия» и политика тотальной вестернизации в эпоху Ельцина). Судьбы российского народа на протяжении веков во многом определялись решениями узкого круга правящей элиты.

Российская цивилизация формируется на синтезе туранского и славянского начал. Евразийство предлагает более целостное понимание российской цивилизации, которая включает не только значительную русскую (славянскую) составляющую, но и многочисленные тюркские народы, населяющие обширные евразийские пространства. Содержание туранского духа заключается в единстве мировоззрения, внешней реальности, жизненной веры и повседневной практики. Этот дух проявляется в форме своеобразной

«подсознательной философии», присущей русскому национальному характеру, в отличие от рационально-дискурсивной модели, характерной для европейской культуры [10]. Туранский менталитет ориентирован на привычную готовность к подчинению высшему принципу. Религиозная терпимость монголов способствовала тесной интеграции православия в историческое развитие России, начиная с крещения Руси. В результате православное ядро стало неотъемлемой частью мировоззрения народа. Вера в православие способствовала формированию общего консервативного мировоззрения российского народа, что находит отражение в таких проявлениях, как законодательный запрет пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений и защита традиционных семейных ценностей. Как подчеркнул В. В. Путин в выступлении на заседании Валдайского международного дискуссионного клуба, Россия не намерена следовать за радикальной «прогрессивной» революцией Запада, а будет придерживаться курса на «здоровый, умеренный и рациональный консерватизм» [11].

Наличие туранского культурного компонента обуславливает определённую несовместимость российской цивилизационной модели с западными ценностями [12]. Если обратиться к сущностным основаниям двух цивилизационных моделей, можно увидеть, что западная либеральная цивилизация базируется на рационализме, предполагающем максимизацию личной выгоды через активизацию индивидуальной инициативы. По мнению А. Г. Дугина, основой российской цивилизации, в значительной степени насыщенной туранскими элементами, является идеократия. Мессианское сознание,

сформированное под влиянием религиозной культуры, определяет мировое позиционирование российской национальной идентичности. Даже в периоды максимальной слабости государственного потенциала Россия не отказывалась от поддержания влияния на соседние страны. В противоположность западной ориентации на индивидуальную свободу, российская цивилизация демонстрирует целостность общественного сознания, объединяющего религию, образ жизни и политическую систему под эгидой единой идейной платформы. В рамках византизма К. Н. Леонтьева подчёркивается, что «единого славянского мира» не существует: славянские народы различаются по обычаям и государственным устройствам. При этом сочетание «славянского» и «туранского» начал в национальном характере россиян сближает их в ментальном и поведенческом плане с татаро-азиатскими и тюркскими народами⁴.

Степные и лесные пространства Азии оставили значимый туранский след в российской цивилизационной модели. Будучи важнейшей составляющей обширного географического пространства России, эти территории создавали потенциал для смягчения и нивелирования внутренних противоречий, аналогично тому, как деревенская среда играет роль буфера в процессе урбанизации. По мнению Н. Н. Алексеева, западная история развивается по пути социальной интенсификации, тогда как для России характерна модель институциональной экстенсивности. На Западе усилие по преодолению социального угнетения направляется через совершенствование государственных институтов, в то время как в российской традиции

⁴ Ципко А. «Гептастилизм» Константина Леонтьева как тайная доктрина русской партии. 19 марта 2015. <https://politconservatism.ru/arhiv-publications/geptastilizm-konstantina-leonteva-kak-taynaya-doktrina-russkoy-partii> (дата обращения: 02.04.2025).

аналогичные процессы зачастую приводили к добровольному или вынужденному переселению населения в восточные периферийные регионы страны [8]. В российской истории данная категория населения получила название «казаки», одной из версий происхождения которых является формирование из числа вольных переселенцев и беглецов, не признававших власть центрального государства и обосновавшихся вне сфер его прямого контроля (например, в Сибири и на Дальнем Востоке)⁵. Этот феномен отражает долговременную маргинализацию азиатской части России в политическом пространстве страны. Азиатские территории России на протяжении истории оказывались вытесненными как в идейном, так и в географическом плане доминирующим «европеизированным» дискурсом российского государства. В XIX веке на Дальнем Востоке сохранялась изолированная модель администрирования с высокой степенью автономии местных органов власти. В исторической перспективе между восточными и западными регионами России сохранялся разрыв в административной иерархии и восприятии цивилизационного превосходства.⁶ Восточные регионы часто становились носителями образа «отсталости и мятежности», при этом с трудом интегрируясь в имперскую управленческую систему Запада России.

УНИВЕРСАЛИЗМ ИДЕЙНО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ: НАДНАЦИОНАЛЬНЫЙ И МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ ХАРАКТЕР

Евразийцы рассматривают победу в Гражданской войне как результат компромисса

между большевиками и российским народом. Народ принял единую власть большевиков, тогда как последние были вынуждены отказаться от реализации своих утопических проектов. Пролетарская культура, по сути, представляла собой новую форму подражания буржуазной модели, при этом власть продолжала концентрироваться в руках узкой элитарной группы, что в перспективе вело к нарастанию факторов, способствовавших дезинтеграции империи. На протяжении столетий российский народ выступал гарантом единства страны, однако рост национального самосознания нерусских народов постепенно подрывает монопольное положение русских как основы государственной интеграции [13]. Н. С. Трубецкой подвергал критике российских шовинистов, которые исключали возможность компромисса с другими народами России, чем ставили под угрозу целостность империи. Это могло привести к редукции государства до рамок великорусского ядра.

Как государство, простирающееся на евразийском пространстве и объединяющее множество народов, евразийцы выступали против абсолютизации этнокультурной уникальности отдельных народов. Напротив, они исходили из того, что все народы «России-Евразии» являются частью единого историко-культурного и цивилизационного пространства. Трубецкой называл такое государство «идеократическим», подчёркивая его собственную систему верований, ориентированную на представление интересов народа и установление прямой связи с ним [14]. Несмотря

⁵ Кузнец Д. Казаки — это вообще кто такие? И почему они ходят в форме и бьют нагайками протестующих? Отвечаем на стыдные вопросы о казачестве. Материал с антрактом. 30 августа 2019. <https://meduza.io/feature/2019/08/30/kazaki-eto-voobsche-cto-takie-i-pochemu-oni-hodyat-v-forme-i-byut-nagaykami-protestuyuschih> (дата обращения: 07.04.2025).

⁶ Ремнев А. В. Проблемы управления Дальним Востоком России в 1880-е годы. <https://hrono.info/statii/2005/dalnyj1880.html> (дата обращения: 13.04.2025).

на то, что в предыдущем разделе подчёркивалась традиционная концентрация власти в руках узкой элиты, при нарушении коллективных интересов народа такая модель становится источником социальной дестабилизации и угрозой для государственности. Классическим примером этого является позднебрежневский период, когда партийно-государственная система утратила гибкость и стала источником системной коррупции и политического застоя, что в перспективе предопределило распад Советского Союза. Евразийцы подчёркивают, что пространство Евразии пронизано духом «братства народов», сформировавшимся на основе многовекового взаимодействия и культурной синтеза между представителями разных этносов. Это братство выражается в том, что отношения между «верхами» и «низами» не носят антагонистического характера; притяжение преобладает над отчуждением; воля к совместному делу пробуждается естественным образом. Патриотизм евразийцев основывается не на индивидуальной свободе или этнической эксклюзивности, а на ценностях наднационального «государственного» сообщества, где ключевым элементом выступает евразийская концепция российской нации.

На европейской территории России этническое происхождение элиты в значительной степени совпадало со славянским компонентом, что привело к своеобразному «совпадению» этнической и социальной стратификации. Евразийцы подчёркивают, что реформы европеизации, начатые Петром I, подорвали органическое единство верхних и низших слоёв российского общества. Результатом форсированной

имплантации западных культурных норм стала ориентация элиты на подражание западным моделям, в то время как широкие народные массы сохраняли традиционные российские культурные установки, что способствовало усугублению социально-культурного разрыва [6]. В определённом смысле неудача народнического движения «в народ» в XIX веке отразила глубокий раскол в мировоззренческих установках между европеизированной элитой и народными массами. По мнению евразийцев, именно отчуждённость от народа стала одной из ключевых причин неудач большевистского проекта. Советский Союз представлял собой идеократическое государство, ориентированное на насильственную трансляцию определённой философской или квазирелигиозной мировоззренческой системы, при этом реальные потребности граждан, особенно представителей низших социальных слоёв, системно игнорировались⁷.

С целью устранения рисков внутреннего раскола в управленческой практике, евразийцы рассматривают «партиципативную демократию» как наиболее соответствующую их концепции политического устройства. При этом акцент смещается с количественных показателей электорального участия на качество представительства, где репрезентация должна отражать качественную структуру евразийского общества — этнические группы и религиозные общины, а не усреднённые количественные результаты выборов. В административной модели евразийство последовательно отстаивает концепцию «евразийского федерализма», предполагающего при построении федеративной системы приоритет

⁷ Николай Алексеев: евразийская концепция государства. 2 марта 2016. https://katehon.com/ru/article/nikolay-alekseev-evraziyskaya-koncepciya-gosudarstva?utm_referrer=https%3a%2f%2fyandex.com.tr%2f (дата обращения: 17.04.2025).

не территориального, а этнокультурного принципа. Отделение принципа этнокультурной автономии от территориального позволяет устойчиво устранить предпосылки сепаратизма. При безусловном стратегическом единстве народов Федерации предусматривается максимально возможное развитие этнических, религиозных и даже локальных правовых практик в отдельных сферах. Стратегический контроль в пространстве Евразийского Союза обеспечивается за счёт единого управления и системы федеральных стратегических зон, включающих широкий спектр сущностей — от этнокультурных до территориальных. Многоуровневая территориальная дифференциация создаёт основу для гибкости, адаптивности и многообразия административной модели, органически сочетающейся с жёсткой централизацией в стратегических сферах.

ВНЕШНЕЕ ИЗМЕРЕНИЕ: ФОРМИРОВАНИЕ ЕВРАЗИЙСКОГО РЕГИОНАЛЬНОГО ПОРЯДКА ПРИ ВЕДУЩЕЙ РОЛИ РОССИИ

От Н. С. Трубецкого и П. Н. Савицкого до А. Г. Дугина идеи евразийства неизменно сохраняли ориентацию на формирование евразийского континентального порядка при ведущей роли России. Приход к власти В. В. Путина ознаменовал постепенную институционализацию данного концепта в практике внешней политики. Континентальная модель развития представляет собой не только особую геоэкономическую конфигурацию, но и глубокое цивилизационное самоопределение. В XXI веке господствующая форма глобализации по-прежнему опирается на морскую торговую систему, в которой политический и экономический центр тяжести сосредоточен в прибрежных зонах и морских транспортных узлах. Подобная структура в значительной мере ограничивает

потенциал внутреннематериковых держав и закрепляет неравноправие в распределении ресурсов, в организации торговых потоков и в системе международной безопасности.

Для России историческая смена приоритетов между континентальной и морской моделями развития отражает различную стратегическую направленность государства в разные исторические периоды. После распада СССР геоэкономическое положение России в мировой системе стало приобретать черты «периферийности», зависимость от морских выходов и глобальных рынков возросла, а в условиях геополитической конфронтации и санкционного давления данная зависимость проявила серьёзную уязвимость.

В этих условиях евразийская идея вновь оказалась в центре стратегических дискуссий. Её ключевое положение заключается в опоре на континентальную модель развития как основу формирования единого межрегионального пространства экономики и безопасности. Это предполагает не только углубление связей с государствами материкового ядра, но и перестройку экономической стратегии в направлении приоритетного развития связей с ближайшими и географически сопряжёнными странами на основе принципов взаимодополняемости, территориальной близости и стратегической самостоятельности.

УТВЕРЖДЕНИЕ КОНТИНЕНТАЛЬНОЙ МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ РОССИИ

С точки зрения представителей евразийства, единство евразийского континента является неотъемлемым атрибутом российской государственности. В общей истории Евразии объединяющую роль поочерёдно играли гунны, тюркские народы и монголы; в дальнейшем, согласно евразийской концепции, эту функцию

должно выполнять российское государство. П. Н. Савицкий оспаривал традиционное представление о Урале в качестве географической границы между Европой и Азией. По его мнению, трансуральская Россия представляет собой неразделимое континентальное пространство, поскольку климатические и почвенно-биологические зоны здесь не чередуются в меридиональном направлении, а формируют широтные пояса. Так, тундра как природный комплекс простирается по обе стороны Уральских гор, аналогичным образом лесные и степные зоны охватывают как западные, так и восточные склоны Урала. Следовательно, нельзя говорить о существовании «европейской» и «азиатской» частей России — евразийское пространство представляет собой целостную географическую и культурно-историческую общность [15]. С экономической точки зрения, по обе стороны Уральских гор также отсутствует чёткая хозяйственная граница. В исторической перспективе ведущую роль в региональной экономике традиционно играли сельское хозяйство (включая заготовку древесины и животноводство), что способствовало формированию единого хозяйственного пространства.

Евразийцы подчёркивали, что идейные истоки российской государственности восходят к византийскому духовному наследию, тогда как в геополитическом отношении необходимо учитывать влияние монгольского государственного наследия, способствовавшего формированию России как континентальной державы. Россия прошла путь от континентальной модели развития к морской, однако, с точки зрения евразийского мышления, сегодня назрела необходимость возвращения к континентальному мышлению. П. Н. Савицкий рассматривал противостояние морских и континентальных держав прежде

всего в экономическом аспекте. В одной из его ключевых работ «Континент — океан (Россия и мировой рынок)», опубликованной в сборнике «Исход к Востоку» (1921), отмечалось, что географические и экономические особенности мира формируют два типа геополитических сообществ: морские державы и континентальные государства. К первым относятся прибрежные государства с выходом к незамерзающим морским акваториям и островные государства, расположенные вдоль побережий океанов. В международной торговле морские державы обладают преимуществом за счёт развитой системы морского судоходства. Вместе с тем российские порты на востоке страны (Балтийское, Чёрное, Азовское, Белое и Японское моря) удалены от основных мировых морских путей, а соединяющие их с океаном узкие проливы подвержены риску блокирования с использованием военных средств. Кроме того, наиболее экономически значимые северные моря России представлены портами с сезонной или постоянной ледовой обстановкой. Значительная часть территории России удалена от побережий, обладающих высокой судоходной ценностью, что определяет неблагоприятное геоэкономическое положение страны в существующей системе мировой торговли.

По мнению А. С. Семёнова, Россия представляет собой континентальную систему «от моря до моря», занимая обширные внутренние пространства материка при наличии морских выходов по его периферии. Аналогичную конфигурацию демонстрировали такие державы, как Древняя Персия, Советский Союз и Соединённые Штаты Америки. Основным недостатком данной модели является диспропорция в уровне развития между центральными и периферийными регионами. В условиях внешнеполитической напряжённости именно

прибрежные, более густонаселённые и экономически развитые регионы континентальных держав первыми оказываются под угрозой, что ведёт к снижению стратегической глубины обороны государства [16]. В этом контексте перенос центра развития с периферии вглубь континента становится важным направлением стратегической коррекции. Признание континентального характера российской территории предполагает необходимость переосмысления прежней экономико-политической модели, ориентированной на морское мышление.

ФОРМИРОВАНИЕ КОНТИНЕНТАЛЬНОГО ЭКОНОМИКО-ПОЛИТИЧЕСКОГО СОЮЗА

Глобальный рынок предоставляет морским державам значительные преимущества за счёт низкой стоимости морских перевозок, что делает морскую компоненту важным элементом их экономической и военно-политической сплочённости. Морское мышление на протяжении XVII–XXI вв. оказывало существенное влияние на стратегические амбиции территориальной экспансии России. Выходы к морю традиционно рассматривались как важнейшее геополитическое достижение российских правителей. В XVIII веке Пётр I, открыв «окно в Европу», обеспечил России выход к Балтийскому морю, что значительно усилило морской компонент её геополитической картины мира. В XIX веке Екатерина II обеспечила контроль над выходами к Азовскому и Чёрному морям, а Александр II получил доступ к Тихому океану. В XX веке Советский Союз жёстко инкорпорировал прибалтийские государства, расширяя контроль над Балтийским морем. В XXI веке возвращение Крыма под юрисдикцию России

вновь обеспечило стратегический контроль над выходом к Чёрному морю. Однако с формированием системы национальных государств и эволюцией международного права возможности территориальной экспансии существенно сократились, что предопределило ослабление геополитического потенциала морского фактора в российской внешнеполитической стратегии. Вместе с тем представители евразийской школы выдвигают концепцию альтернативной модели континентального рынка, предполагающую развитие внутреннего континентального рынка (внутрирегиональной торговли) и формирование внешних континентальных экономических связей. Иными словами, экономическая стратегия России должна быть ориентирована на укрепление экономических обменов как между внутренними регионами страны, так и с государствами, обладающими сопоставимыми географическими характеристиками.

Континентальная модель развития экономики принципиально отличается от океанической модели открытой экономики. В то время как морские державы извлекают выгоду из глобальной открытой экономической системы, континентальные государства опираются на относительно замкнутые и взаимодополняющие связи, строящиеся на основе развитой, многообразной специализации и кооперации между регионами, с приоритетом добрососедской торговли⁸. Для континентальной экономики ведущим принципом должно стать не мировое разделение труда, а принцип добрососедства, поскольку только торговля с соседними странами и близлежащими регионами позволяет существенно снизить издержки на транспортировку. Развитие транспортно-логистического потенциала

⁸ Литвинов Б. Концепция «континентальной экономики» Петра Савицкого. 23 января 2011. <https://l-boris.livejournal.com/462723.html> (дата обращения: 20.04.2025).

является ключевым элементом формирования континентального экономического союза. В Послании Президента Российской Федерации В. В. Путина Федеральному Собранию в 2015 году впервые была выдвинута концепция Большого Евразийского партнёрства. Данная концепция рассматривается как единое пространство экономического, транспортно-логистического, информационного взаимодействия, а также сотрудничества в сфере мира и безопасности, охватывающее территорию от Шанхая до Лиссабона и от Нью-Дели до Мурманска [17]. В рамках Евразийского экономического союза Россия рассматривает возможность модернизации собственной транспортной инфраструктуры и создания новых инфраструктурных объектов с целью формирования единого транспортного пространства на территории Большой Евразии. Для России Большая Евразия означает не только привлечение инвестиций, но и активные вложения в развитие евразийской транспортной инфраструктуры, направленные на создание транспортных коридоров, соединяющих Европейский союз с Северо-Восточной Азией, Россию с Центральной Азией, а также обеспечивающих выходы к Ближнему Востоку. В 2015 году Китай и Россия опубликовали совместное заявление о сотрудничестве в рамках сопряжения инициативы Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шёлкового пути. Сферы сотрудничества включают создание современной транспортно-логистической инфраструктуры, упрощение таможенных процедур, устранение барьеров, препятствующих развитию взаимной торговли⁹.

Для России Евразия представляет собой не просто экономический интеграционный проект, а новый геополитический феномен — общее пространство между Европой, Россией и Азией. Центральное положение в этом пространстве занимает Россия, рассматриваемая как интеграционный центр и ключевой узел между динамично развивающейся Азией и экономически развитой и технологически продвинутой Европой¹⁰. Модернизация транспортной инфраструктуры будет способствовать укреплению экономического потенциала региона.

Учитывая, что большинство государств Евразии относятся к развивающимся странам и не обладают достаточным геополитическим потенциалом для поддержания самостоятельной позиции на мировой арене, представители евразийской школы выдвигают дифференцированную стратегию, направленную на их интеграцию в зону «совместного процветания» под интеграционным и стратегическим руководством российско-евразийского партнёрства. А. Г. Дугин в рамках концепции нового евразийства акцентировал противостояние морской и континентальной стратегий, чётко обозначив их символическое воплощение в виде атлантизма во главе с США и евразийства с центром в России. В своей модели А. Г. Дугин предлагает формирование иерархической модели союзнических отношений с ядром вокруг России. Предполагается создание трёх ключевых геополитических осей — Москва — Берлин, Москва — Токио, Москва — Тегеран, обеспечивающих контроль над четырьмя основными цивилизационными регионами

⁹ Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шёлкового пути. 8 мая 2015 года. <http://kremlin.ru/supplement/4971> (дата обращения: 23.04.2025).

¹⁰ Караганов С. А. From East to West, or Greater Eurasia. 25 октября 2016. <https://eng.globalaffairs.ru/articles/from-east-to-west-or-greater-eurasia/> (дата обращения: 02.05.2025).

мира: Северной и Южной Америкой (во главе с США), Африкой и Европой, Азиатско-Тихоокеанским регионом и собственно евразийским пространством [18]. Г. А. Симбирский выступает за формирование стратегического треугольника «Россия — Индия — Китай» в целях укрепления стабильности в пространстве Большой Евразии [19]. По аналогии с системой глобальных союзов США, Россия также стремится к созданию системы союзов с опорой на собственный центр и укреплению связей с ведущими региональными державами, что должно способствовать формированию иерархической модели союзнических отношений.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На фоне обостряющегося противостояния между Западом и Россией евразийство стимулировало переосмысление стратегий развития российского государства. В процессе внутреннего институционального строительства стало очевидно, что заимствование западных институциональных форм неспособно обеспечить формирование подлинной духовной опоры российской нации — православия и туранской культурной традиции, восходящей к наследию монгольской державности и греко-византийской религиозности. Философия евразийства принципиально отличается от западного аналитического рационализма. Её отличают установки на целостное восприятие мира, интегральное мышление и интуитивное познание. Западный индивидуализм атомистического типа и рационалистская модель субъекта оказываются недостаточными для объяснения российской ментальности, основанной на особом цивилизационном и философском фундаменте. Именно на этой общности мировоззренческих установок формируется концепция «идеологического государства», в котором

коллективное представление о справедливости преобладает над индивидуальной свободой. Хотя российская государственная власть исторически концентрировалась в руках ограниченного круга представителей, евразийская мысль акцентирует внимание на том, что её применение должно быть ориентировано на выражение интересов широких слоёв населения. Эти интересы, в свою очередь, должны преодолевать этнические, территориальные и социальные разграничения, способствуя снижению рисков общественной дезинтеграции.

В формировании внешней стратегии евразийские мыслители чётко осознают ограничения России в развитии в рамках мировой морской модели хозяйствования, что предопределяет выдвижение идеи создания континентального экономико-политического союза. Вызов, который Россия бросает либеральному мировому экономическому порядку, сформированному под эгидой Запада и основанному на океанической торговле, заключается в построении широкой межрегиональной системы экономических и торговых связей внутри континента. В этой связи особое значение приобретает развитие инфраструктуры логистики и транспортных коридоров. Преодоление высоких издержек сухопутных перевозок посредством использования преимуществ географической близости рассматривается как стратегический ответ на доминирование морской торговли.

Во внешнеэкономическом взаимодействии Россия акцентирует внимание на развитии связей с ближайшими соседями, укреплении внутреннего экономического контура и формировании взаимодополняющих отношений с соседними государствами. Географическое положение России в центре Евразии, в сочетании с мессианским сознанием, формирует устремление к созданию многоуровневой евразийской интеграционной сети

с Россией в качестве ключевого звена. Такая стратегия направлена на противодействие американоцентричному однополярному

миропорядку, способствуя усилению дуализма между континентальными и морскими державами.

ЛИТЕРАТУРА:

1. 吕萍:《俄罗斯的“欧洲选择”分析》,载《俄罗斯东欧中亚研究》,2021年第6卷,第59-60页
2. Прокапало О. М. Дальний Восток России: реализация программных мероприятий в 2010 г. *Пространственная экономика*. 2011;1:152-165.
3. 李新:《试析俄罗斯亚太新战略》,载《现代国际关系》,2013年第2卷,第13-20页
4. 王晓泉,从新:《俄罗斯联邦外交政策构想,析俄外交战略调整》,载《俄罗斯学刊》,2023年第13卷第5期,第5-26页
5. 徐博:《俄罗斯“东转战略”的国内政治影响要素探析:战略文化、央地关系与政治结构》,载《当代亚太》,2019年第6期,第47-66页
6. Маслин М. А. Реформы Петра Великого в оценке классиков евразийства. *Вестник Русской христианской гуманитарной академии*. 2020;21(4-1):139-153.
7. Панарин И. Н. Философия политики. Москва: Арктогея; 2004. С. 114.
8. 陈训明:《阿列克谢耶夫及其欧亚主义国家思想》,载《东欧中亚研究》,2002年第1期,第54-57页
9. Бельчевичен С. П. Теория прогресса в философском наследии Н. К. Михайловского. *Система ценностей современного общества*. 2010;(10-1):59-63.
10. Трубецкой Н. С. О туранском элементе в русской культуре // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн: антология / под ред. Л. И. Новиковой, И. Н. Сиземской. Москва: Наука; 1993. С. 67-68.
11. 李艳龙:《当代俄罗斯保守主义转向:成因、知识与核心理念》,载《俄罗斯东欧中亚研究》,2023年第2期,第36-58页
12. Коломыц Д. М., Коломыц О. Г. Мифология туранства в культурном проекте евразийцев. *Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств*. 2018;(1):13.
13. Люкс Л. «Евразийство». *Евразийство и мир*. 2018;(1):3-15.
14. Лебедев С. Н., Замаараева Е. И. Проблемы государства в учении евразийцев. *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Социология. 2016;(2):426-437.
15. Савицкий П. Н. Утверждение евразийцев // Савицкий П. Н. Континент Евразия. Москва: Аграф; 1997. С. 81-82.
16. Семенов-Тянь-Шанский В. П. Район и страна. Москва: Рипол Классик; 2013. С. 160-163.
17. Барахвостов П. А. Большая Евразия: вызовы и возможности. Большая Евразия: вызовы и возможности: материалы междунар. круглого стола по инновациям в междунар. исследованиях, Минск, 4 апр. 2019 г. / Под ред. Е. А. Достанко, А. М. Байчорова, С. А. Кизимы. Минск: БГУ; 2019. С. 5-10.
18. 孔元:《欧亚主义回归与全球革命:亚历山大·杜金的地缘政治观》,载《文化纵横》,2015年第5期,第88-95页
19. Гранин Ю. Д. «Остров Россия» Вадима Цымбурского и геополитический проект Большая Евразия. *Проблемы цивилизационного развития*. 2022;4(1):107-124.

REFERENCES

1. Lu Ping. Analysis of Russia's «European Choice». *Russian, East European & Central Asian Studies*. 2021;6:59-60. (In Chin.)
2. Prokapalo O. M. The Russian Far East: Implementation of Program Measures in 2010. *Spatial Economics*. 2011;1:152-165. (In Russ.)

3. Li Xin. On Russia's New Strategy toward Asia-Pacific. *Contemporary International Relations*. 2013;2:13–20. (In Chin.)
4. Wang Xiaoqian, Cong Xin. The Concept of the Foreign Policy of the Russian Federation and the Adjustment of Russian Foreign Strategy. *Russian Studies Journal*. 2023;13(5):5–26. (In Chin.)
5. Xu Bo. The Domestic Political Factors of Russia's «Pivot to the East» Strategy: Strategic Culture, Central-Local Relations and Political Structure. *Contemporary Asia-Pacific*. 2019;6:47–66. (In Chin.)
6. Maslin M. A. Reforms of Peter the Great in the Assessment of Eurasianist Classics. *Bulletin of the Russian Christian Humanitarian Academy*. 2020;21(4–1):139–153. (In Russ.)
7. Panarin I. N. Philosophy of Politics. Moscow: Arktogeys; 2004. 114 p. (In Russ.)
8. Chen Xunming. Alexeyev and His Eurasianist State Thought. *Studies of Eastern Europe and Central Asia*. 2002;1:54–57. (In Chin.)
9. Belchevichen S. P. The Theory of Progress in the Philosophical Heritage of N. K. Mikhailovsky. *Value System of Modern Society*. 2010;(10–1):59–63. (In Russ.)
10. Trubetskoy N. S. On the Turanian Element in Russian Culture. In: *Russia between Europe and Asia: The Eurasian Temptation*. Anthology. Ed. by L. I. Novikova, I. N. Sizemskaya. Moscow: Nauka; 1993. p. 67–68. (In Russ.)
11. Li Yanlong. The Conservative Turn in Contemporary Russia: Causes, Knowledge Networks and Core Ideas. *Russian, East European & Central Asian Studies*. 2023;2:36–58. (In Chin.)
12. Kolomyts D. M., Kolomyts O. G. The Mythology of Turanism in the Cultural Project of the Eurasianists. *Bulletin of Kazan State University of Culture and Arts*. 2018;1:13. (In Russ.)
13. Lyuks L. «Eurasianism». *Eurasianism and the World*. 2018;1:3–15. (In Russ.)
14. Lebedev S. N., Zamaraeva E. I. The Problem of the State in Eurasianist Doctrine. *Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Sociology*. 2016;2:426–437. (In Russ.)
15. Savitsky P. N. Affirmation of the Eurasianists. In: *Savitsky P. N. Continent Eurasia*. Moscow: Agraf; 1997. p. 81–82. (In Russ.)
16. Semenov-Tyan-Shansky V. P. Region and Country. Moscow: Ripol Klassik; 2013. p. 160–163. (In Russ.)
17. Barakhvostov P. A. Greater Eurasia: Challenges and Opportunities. In: *Greater Eurasia: Challenges and Opportunities*. Proceedings of the International Round Table on Innovations in International Studies, Minsk, 4 April 2019. Ed. by E. A. Dostanko, A. M. Baichorov, S. A. Kizima. Minsk: Belarusian State University; 2019. p. 5–10. (In Russ.)
18. Kong Yuan. The Return of Eurasianism and Global Revolution: Alexander Dugin's Geopolitical Views. *Cultural Review*. 2015;5:88–95. (In Chin.)
19. Granin Yu. D. Vadim Tsymbursky's «Island Russia» and the Geopolitical Project of Greater Eurasia. *Problems of Civilizational Development*. 2022;4(1):107–124. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Цзявэнь Хэ

Шанхайский университет иностранных языков, Шанхай, Китай; 201620, Китай, Шанхай, район Сунцзян, ул. Вэньсян, д. 1550; 119021, Россия, Москва, ул. Остоженка 53/2, стр. 1;
0234101672@shisu.edu.cn

Jiawen He

Shanghai International Studies University, Shanghai, China; 1550 Wenxiang Road, Songjiang District, Shanghai, 201620, China;
0234101672@shisu.edu.cn